

Живет в Москве (Россия). Визитная карточка участника.

Склянка

Ни о чём не грущу, ни о чём, ни о ком не жалею -
в тусклой склянке аптечной всё главное скрыто от глаз
и закупорено - только день ото дня тяжелее
и опасней округлый флакон из литого стекла;

осторожно касаюсь тугой герметичности пробки,
вынимаю таблетку, страшась потревожить вулкан,
замурованный в сумраке тесной стеклянной утробы -
лопнет тёмная склянка, фонтаном взлетят к облакам

пыль, огонь и осколки; под гром и сверкание молний
мир затянется пеплом, клубящимся дымом и тьмой,
свет померкнет в глазах...

Ну уж нет - в апокалипсис полный
я не верю - не может такое случиться со мной -

тьмой стекла цвета крови драконовой мне обеспечен

безмятежный душевный покой до конца моих дней -
хорошо, что всё главное спрятано в склянке аптечной,
хорошо, что грустить и жалеть больше не о чем мне...

Сосед

Соседский дед, профессор института
какого-то, остряк и весельчак,
зимой едва не помер от инсульта,
но выжил, слава Богу, и сейчас

молчит, навек лишившись дара речи,
сидит в коляске, лысиной трясёт,
натягивает шаль жены на плечи,
да изредка вздыхает, вот и всё...

Неведомы для нас пути Господни,
а жизнь даётся только напрокат -
закончен срок аренды, и сегодня
он плачет, молча глядя на закат;

но всё могло бы быть гораздо хуже -
так пусть из-за забора он без слов
мне со своей веранды мучит душу,
блестя на солнце стёклами очков -

вот так и я, наверное, когда-то
состарюсь тоже, тронувшись умом,
и буду плакать, глядя на закаты
в молчании немом...

Уроборос

□□ *другу*

Когда тебе уже за тридцать,
и ты - потомственный патриций,
и нет проблем, и нет вопросов,
и в жизни всё легко и просто -
пора, как все другие люди,
в себе с пристрастием порыться
и отрешиться от иллюзий,
что ты герой, поэт и рыцарь;

теперь ты, друг мой, взрослый мальчик -
довольно маяться мечтами -
мир был непознан и заманчив,
а стал понятен и читаем;
всё чётко, правильно, пристойно -
все переженятся в итоге -
и вот и ты, мой друг, пристроен
как пёсик при хозяйке строгой -
детишки, бабушки и няни,
и тяжкий труд, и хлеб насущный -
о жизнь, что делаешь ты с нами?
не жизнь, но ад какой-то сущий...

Где ты теперь, бывлой романтик,
сметённый залетевшим ветром?
А ты, подруга - где твой манкий
весёлый взгляд под чёлкой светлой?
И хоть и неисповедимы
пути Господни, преуспели
мы, без сомнений - победили
и обрели то, что хотели:
вот белый парус, вот лагуна,
вот даль туманная, вот крупно,
на ближнем плане, на латуни
воды - причал и мыс округлый,
цветы и пальмы, пляжи, яхта -
по яндекс-картам - это Ялта,
Майями, Хайфа или Яффа -
и меркнут сны в сравнение с явью...

Все подвиги твои - на фото
в фейсбуке, инстаграмме, блоге -
но грустно что-то отчего-то -
читаешь Белого и Блока,
а тут ещё с воображеньем
метаморфоза происходит -
победа мнится пораженьем,
и настроение плохое -
стакан мартини, шёпот бриза,
мерцанье звёзд во тьме небесной -

не бойся - это просто кризис,
у всех одна и та же песня -
да, это кризис межсезонья:
исхода нет и жизнь бесцельна -
верёвка, мыло, прах в вазоне -

и очевидно сходство в целом
с разбитым пушкинским корытом,
и марши звонкие умолкли...

А в чьём-нибудь шкафу закрытом
стоит скелет твой в туче моли
среди других скелетов белых,
подобно манекену в ГУМе -
а ты совсем не в курсе дела,
а ты об этом и не думал -
и лезут в голову химеры,
что там, где твой скелет припрятан,
ты мог быть счастлив. И приятно
мечтать и пить, играть на нервах,
ругать фортуна, плакать, строить
наполеоновские планы
войны, фанфар, захвата Трои -
внезапно это стало главным...

Представь на миг в пылу азарта,
что в том шкафу висят уныло
твои бриони и труссарди -
и ничего не изменилось -
и ты на фоне волн лазурных
вот в этих трениках и майке
пьёшь - может, из других мензурок -
не кальвадос, а ром ямайский -
какая разница? Де факто
различий ноль. Но грустно как-то,
что так однообразны судьбы,
банальны так и так абсурдны;
хоть мы герои по сюжету,
но в том-то наш печальный фатум,
что мы по сути те же жертвы -
о жизнь - нет, ты не мастер фабул -

а сонный мрачный Уроборос
в неброских бронзовых узорах,
свернувшись в круг ли, в лемнискату,
мусолит хвост в лучах заката -
прикинулся невинным шлангом,
но хватка-то, однако – волчья;
ты, может, друг, и сам не ангел,
но этот - конченная сволочь...

